

дании
чкония

стихия
и пловец

Предыдущие книги автора

Звук осторожный / *Вступительное*

слово Александра Цыбулевского.

Тбилиси: Мерани, 1976.

Подводный камень.

М.: Советский писатель, 1986.

Слободка. Мариуполь /

Предисловие Фазиля Искандера.

М.: Советский писатель, 1990.

Перед паузой. М.: Новости, 1997.

Медленные холмы.

М.: Новый ключ, 2002.

Чужие города. М.: Кругъ, 2005.

Я стою посредине Европы.

СПб.: Алетейя, 2007.

(Книга избранных стихотворений)

Элайя. М.: Кругъ, 2009.

Экскурсовод, или Писатель играет джаз /

Предупреждение Юрия Малецкого.

М.: Кругъ, 2012

(Короткая проза. Стихи разных лет).

Птица Сири́н / *Предисловие Марины Гарбер.*

Хельсинки; СПб.: Геликон Плюс, 2015.

Серия «Лауреаты премии В. Сирина (Набокова)».

ДАНИИЛ ЧКОНЯ

Уважаемая Анастасия!
С сердечными пожеланиями
добра и света в жизни —

Ваш Даниил

23.09.16.

Кёльн.

Поэтическая библиотека

Серия основана в 1993 году

ДАНИИЛ ЧКОНΙΑ

СТИХИЯ И ПЛОВЕЦ

другие стихи
2013—2015

москва 2016

УДК 821.161.1-1

ББК 84Р7-5

Ч11

дизайн серии

Валерий Калныньш

Чкония Д.

- Ч11 Стихия и Пловец: Другие стихи (2013—2015). — М.: Время, 2016. — 192 с. — (Поэтическая библиотека).
ISBN 978-5-9691-1421-0

«Стихия и Пловец» — десятая книга Даниила Чкония, который давно утвердился в читательском сознании как тонкий лирик со своим негромким, но отчётливым голосом. Присущая ему пластика стихотворной речи в соединении с точным звуком, а также исповедальная открытость, выверенная интонация, пристальное внимание к деталям окружающего мира, ненавязчивая образность — всё это создаёт отчётливо проявленный поэтический жест и поэтический характер автора.

Стихия жизненного пространства и свобода стремящегося покорить её Пловца — сквозная метафора во многих смыслах новой книги Даниила Чкония. Подзаголовок «Другие стихи» неслучайно декларирует внутреннюю свободу философского осмысления жизненных явлений и ещё более свободного — нечаянного! — движения поэтической мысли. Книга, знаменующая новый этап в творчестве известного, но — неожиданно — иного поэта.

ББК 84Р7-5

ISBN 978-5-9691-1421-0

© Даниил Чкония, 2016

© «Время», 2016

«И, ЕСЛИ ПОДЛИННО ПОЁТСЯ...»

В какой стране это написано? В каком веке? И что за почва и судьба надиктовали эти будто мерцающие, плывущие, как перистые облака, и, как перистые облака, истончающиеся строки?

Какая, собственно, разница — если для Даниила Чконии настал, видимо, миг, когда душе показалось тесновато в пределах биографического опыта и она запросилась на волю.

Теряя по пути знаки препинания, а кое-где, и в лучших как раз стихотворениях, размывая даже привычный нормативный синтаксис.

И утрачивая то, чем всегда был вроде бы силен этот поэт, то есть акмеистическую точность в деталях, ясную прорисовку лирического сюжета, склонность к прозаизации, опредмечиванию стихового импульса.

А взамен...

Оглянувшись на то, что Даниилом Чконией было написано за более уже чем полвека, в каждой из девяти его предыдущих книг нетрудно различить состязание — чаще, конечно, уступчивый диалог, но иногда и непримиримое противоборство — между эпосом и лирикой, дисциплинированной разумностью и безотчётной сердечностью, правдой переживания и поэзией, которая совсем не обязана быть правдивой. Его стихотворениям, взятым по отдельности, и его книгам, прочитанным как целостные сви-

детельства, это шло, безусловно, на пользу, давая контрастную подсветку и сообщая острую драматургичность даже и самой очевидной, казалось бы, мысли, даже и самому незатейливому, казалось бы, впечатлению.

В книге, что перед вами, никакого драматургического конфликта нет вроде бы и в помине. Здесь лирика берёт верх, ничем не желая делиться с прозой бытия, и редкие вкрапления примет современного, как говорят литературоведы, хронотопа (географические названия, имена, привязки к тем или иным событиям) смотрятся теперь если не чужеродными, то, во всяком случае, не обязательными. Даже отвлекающими от слежения за тем, как разворачиваются, друг друга уточняя и перепроверяя, лирические мотивы.

Их немного. Репертуар лирических переживаний ведь, собственно говоря, вообще не обширен.

Жизнь, понятая как судьба. Мир людей и мир природы, увиденные в неразъёмном единстве. Время, омывающее каждого из нас будто река. Воспоминания, своею неповторимой совокупностью отличающие нас друг от друга. Неотступная, хотя и отодвигаемая волевым усилием дума об итоге, от которого никому из смертных не уйти. Вера — надежда? мечта? знание? нет, всё-таки только вера — в то, что дар напрасный, дар случайный дан нам с неким высшим, умонепостижимым смыслом. И любовь, конечно же, любовь; да разве может поэт, если он поэт, забыть о любви?..

Вот и все темы. Или почти все. И Чкония, не страшась подозрения в самоповторах, множит и множит вариации одних и тех же чувств, одних и тех же размышлений.

Впрочем, одних ли? Чуть смещён ракурс, обновлена интонация, переменён мелодический рисунок — и в пару к стихотворению, например, проникнутому ужасом перед неотвратимой кон-

чиной, идут стихи, где это чувство не то чтобы снято или изжито, но вытеснено на периферию сознания, уступая первенство либо мудрому приятию скоротечности бытия, либо самоиронии, ничуть не менее мудрой.

И не надо бить на жалость
мол бессонная тоска
лишь бы это продолжалось
продолжается пока

Стихи, составившие новую книгу Даниила Чконии, трудно цитировать. Они не тяготеют к афористичности, то есть не укладываются в ту или иную сжатую формулу, в ту или иную сентенцию, удобную для запоминания. Стихия, а это слово не случайно, я бы даже сказал, с вызовом вынесено на титульную страницу, не терпит ничего отвердевшего, понятого как неопровержимая истина. Здесь всё опровержимо, и всё, что уже сказано, можно, а значит и нужно, сказать по-другому, с другим настроением, открывая не новые смыслы, но новые оттенки этих смыслов, новое их звучание. И разве не в этом достоинство поэзии? Во всяком случае, такой, как эта, — элегической, движущейся волнами единого потока и восходящей не к живописи словом, как это было в прежних сборниках Чконии, но к музыке.

Оно и понятно: ведь развёртывание считаного числа мотивов, их температура и модулирование, перевод звука из одного регистра в другой свойственны музыке как никакому другому из искусств. И, переходя вместе с автором от страницы к странице, ты с не меньшим вниманием, чем за переменою смыслов, следишь за тем, как щемящая сладость русского романса уступает место бодрящим — иногда маршевым, а иногда едва не плясовым или частушечным — ритмам, отмечаешь, как поэтические строки,

целиком вроде выстроенные на лексике Серебряного века, вбирают вдруг в себя и речевые ресурсы нынешней улицы, чуть ли общения в нынешних социальных сетях.

Поэтому если и есть у этой книги драматургия, то музыкальная, и сюжет в ней просматривается (вернее, прослушивается) тоже музыкальный.

В 2000-е годы Даниил Чкония охотно экспериментировал, пробовал возможности и белого стиха, и верлибра, и того, что оставлено нам в наследство русским классическим авангардом. Здесь же он строже, чем прежде, держит в себя в границах регулярной метрики, традиционной системы стихосложения, и оказывается, что границы эти раздвинуты так широко, что не препятствуют ни самовыражению, ни выявлению собственной поэтической индивидуальности.

В минуты жизни трудные, в ситуациях, когда власть канона чересчур уж подчиняет себе индивидуальность, поэта (жаль, что не всегда) выручает ирония и — совсем уж по теперешним временам редкая, оттого и особо ценимая — склонность к самоиронии.

Он не упоён собою, как многие. Он лучше, чем мы, знает пределы своих возможностей. Он не скрывает своей растерянности в случаях, когда она его настигает:

время может ускользать
память может просквозить
я не знаю что сказать
чем их мне соединить

А в случаях, когда душу совсем уж вроде бы захлёстывает лирический восторг, непременно сам над собой улыбнётся и сам себя предостережёт:

плакучая ива над тихой рекой
нависла красиво вселяя покой

и все рассужденья красиво ли нет
таят наважденье и сумрак и свет

а я над рекою красиво стою
красивой строкою красиво пою

красиво красиво доносится клич
с какого порыва рождается китч

и пошлости пышные соты
красот несусветных высоты

И ты понимаешь, отчего в название книги вынесены не только слово «стихия», но и слово «пловец». Поэт чувствует себя и не демиургом, повелевающим стихией, и не её жертвой, не её заложником.

Он в этом мире — действительно пловец. Не больше. Но и никак не меньше. Так что, пройдя всю книгу насквозь, вернитесь ещё раз к этому центральному для неё двенадцатистишию.

Вам многое станет понятнее.

И — одновременно — непонятнее. Потому что никто, и сам поэт тоже, не знает, как в дальнейшем развернёт его стихия и какой будет следующая книга Даниила Чконии.

Время поисков и перемен для поэта ещё не истекло.

Сергей Чупринин

Посвящается Елене

ПОЛЁТЫ НАЧИНАЮТСЯ С УТРА

* * *

он читает читает читает
он читает он умер давно
время тает и тает и тает
и его возвратить не дано

вот он пишет и пишет и пишет
и не ведает сложен и прост
как он слышит и слышит и слышит
лепестков нависающих рост

и когда его жизнь сочинила
опус взятый из дальних глубин
он оставил сухие чернила
и остался один на один

с этим душным и давящим страхом
из разрушенных древних хором
с этим полуприпадочным знаком
безнадёжен сомнителен хром

* * *

неловок стих и проще в прозе
хотя цветок раскрылся ал
поговорить об этой розе
наркоз катарсис карнавал

придёт пора когда припёрло
и время обгорать свечам
и розы тоненькое горло
колышет ветер по ночам

так и тебе сгоревшей в страсти
как будто заключённой в клеть
не избежать такой напасти
мучительно и долго тлеть

★ ★ ★

я ж не музыкант а дурачок
ничего про музыку не знаю
главное что струны и смычок
вот уже и музыка сквозная

главное притронуться к струне
так чтобы дыхание коснулось
нот и фраз созвучных только мне
чтобы это и в тебе проснулось

главное скольжение смычка
чтобы сердце вздрагивало нежно
чтоб уверенной была рука
приникая к сердцу безмятежно

листья стелют осени постель
вейся же музыка тихо вейся
я владеть тобой виолончель
научусь ты только мне доверься

* * *

плакучая ива над тихой рекой
нависла красиво вселяя покой

и все рассужденья красиво ли нет
таят наважденье и сумрак и свет

а я над рекою красиво стою
красивой строкою красиво пою

но так некрасива моя красота
плакучая ива глухие места

красиво восходит над нами луна
к хорошей погоде суровой она

и лунная морда — что ксива
английского лорда — красива

красиво красиво доносится клич
с какого порыва рождается китч

и пошлости пышные соты
красот несусветных высоты

* * *

пёс задравший лапу у сарая
облетевших листьев вороха
осень неуютная сырая
и огней вечерние верха

грустью непрестанной время дышит
ты его уныньем не убей
носится забытый чижик-пыжик
суетится битый воробей

★ ★ ★

ночь безмолвна и тиха
в ней таится нега
у возникшего стиха
попрошу я снега

вызываю ноту си
на пустом клавире
только снега не проси
нету снега в мире

кто оставил бедных нас
без паденья снега
и кому он этот час
нужен
что за нега

но случился снегопад
и светились лица
тех кто снегопаду рад
кто мне станет сниться

* * *

я проснулся озарённый мыслью:
было много сумрачных погод
слава богу что прошёл и смылся
високосный год

я не верил сплетням и наветам
будто он несёт в себе беду
что там было осенью и летом
ветер дул в дуду

медленно раскачивались сосны
лес густой тревожился но вот
миновал нас этот високосный
и опасный год

ФОТОХУДОЖНИК

тайны как видеть не выдав
тенью сгоравшего дня
высветил Додик Давыдов
и приукрасил меня

высветил в гаснущем свете
занавес не осветив
вижу я в этом портрете
прошлого грустный мотив

небыли-беды обиды
времени выгул и гул
Додик лукавец Давыдов
ты меня не обманул

★ ★ ★

иллюминаторы что золото медали
аэропорта застеклённая стена
вам улетающим чего-то недодали
нам провожающим вся будущность темна

вот набирает высоту земная долька
она растает через миг и не гляди
вослед взлетевшему не вглядывайся только
ещё пытайся угадать что — впереди

твои догадки всем расставшимся едва ли
помогут прошлого вернуть весенний блик
чего надумали напели наваяли
теперь осмысливай но выбор невелик

гул оголтелый над бредущими глумится
они расходятся куда-то в никуда
стальная птица — за другой — взлетают птицы
и свет небесный ловит их как невода

★ ★ ★

ветер улицу вымел ветер лужицы вытер
я глазами своими колдовство это видел

шла по городу ручка оторвавшись от двери
пригрозили мне взбучкой кто в рассказ мой не верил

но когда в переулке дверь сама показалась
ишь забегали урки а она ж не кусалась

ручка к ней прилепилась как невеста прильнула
тут толпа и озлилась и козлом обернулась

и козёл многоглавый так противно замекал
как хозяин державы блеет на человека

я отделался жестом дескать ну их чего там
плачут голосом женским и желают отчёта

я же думаю думу где фантазии мера
вот озлюсь я и дуну побери вас холера

может зов моих предков из какого там юра
но случается редко радость бреда и сюра

ПЕРЕЕЗД

что из возможного возьмём
в какую упакуем тару
под силу в сотый раз подъём
иль обойдёмся грузом старым

я задаваться не привык
вопросом там где шаг и нужен
иду без всяких закавык
без долгого плетенья кружев

поверхностен и не глубок
на свет я вышел не из сакли
и мог бы расписать лубок
и краски видно не иссякли

и кажется: на склоне лет
я строить жизнь готов сначала
а был бы свет! и есть он свет!
но что дорога означала?

★ ★ ★

загулял весенний хладнокровный бес
ишь ты недоумок каверзник и лох
шелестит ветвями неодетый лес
бродит небесами незаметный бог

думаешь ночами... думы это сны
фонари за окнами светят парой глаз
вот глядишь и дожили до своей весны
запоздалой может быть но объявшей нас

кто сшивает нитью и прядёт судьбу
кто ведёт беседы сбившихся в кружок
бес выносит судьбы на своём горбу
и глядит в пространство меркнувший божок

★ ★ ★

больного вымучила мания
глядеться в тёмное окно
а мне хватает понимания
что видим в окнах мы одно:

одно реки и льдины вспоротой
движение медленной весны
а ты а ты совсем не споро ты
больные разгадаешь сны

* * *

становились ложными слова
но зато не сложными — с повтора
наболтала наплела молва
тут тебе содом и тут гоморра

выйди на вечерний ветрогон,
ветра против плюй и вся отвага
а потом доплёвывай вдогон
стерпит всё привычная бумага

столько было непохожих лиц
и предупреждали их пророки
за окном мелькание синиц
разбавляет полдень одинокий

СЛЕПЫЕ ТУПИКИ

1. торгаш

он вечно приговаривает брат мой
а облапошить всё же норовит
грозится мол на родину обратно
уедет а пока душа горит

он узелок затянутый втугую
и тычется в слепые тупики
и сочинить судьбу себе другую
ему как видно вовсе не с руки

и смех его такой ненастоящий
и плач не составляющий труда
он и живёт как будто ворон спящий
и смотрит он куда-то в никуда

2. расправа

его о землю мордой
а он молчит кряхтя
такой наверно гордый
пусть бьют его пыхтя

быть может что-то стырил
постойте мужики!
не лезь а то не ты ли
с ним рылся у реки?

залез в чужие сети
и получил сполна
отполз в кусты как в нети
зарылся — тишина

помочь ему не можно
пёс вор ханыга бес
а я неосторожно
в ту передрягу влез

спасибо с пылу с жару
не врезали и мне
лечись потом на шару
в немецкой стороне

3. освобождённый

отпущен жестом с глаз на
свободу счастлив будь
ненастный зов соблазна
опять вздымает грудь

былое по банану
урок ему не впрок
пьянит башку болвану
свободы вольный скок

давай присядь на травку
присядь не гоношись
подумай на затравку
куда свернула жизнь

должно быть сыт барачным
зачумленным дымком
ступаешь новобрачным
вчерашним женихом

а в бабьем сердце стужа
глаза что колкий лёд
ждала бабёнка мужа
теперь расправы ждёт

4. шестидесятые

пряматый простыни экран
киносеанс в посёлке летнем
киномеханик в доску пьян
и девок деревенских сплетни

электробудка во дворе
гудит навеивая скуку
а на экране в октябре
картавый простирает руку

кто помнит этого куска
прожитой жизни тьму и небыль
где ночь созвездьями близка
вдруг опрокидывает небо

где ты в приборной ночной входил
где каждый куст пропитан кражей
где одноногий бригадир
спит на забытом Богом пляже

когда проснётся эта пьянь
скомандует чего не надо
бычок отхлынет и тарань
отматерится вся бригада

смолить баркас и сеть чинить
а что ещё им всем осталось
какую смуту учинить
какой тоскою сдобрить старость

5. возвращенье

можно письменно и устно
говорить о том
что глядится очень грустно
опустевший дом

что весну ломает ветер
что твердеет наст
что мужик башкою вертит
крепок коренаст

мне-то что признаться честно
в этом мужике
мне конечно неизвестно
что в его башке

а гадать — что пальцем в небо
тыкать — не резон
вижу вглядываясь немо:
неприкаян он

★ ★ ★

с чего воспоминанье промелькнуло:
за окнами бродячих псов грызня
девчонка-парикмахерша прильнула
случайно будто молодость дразня

псы за окном то лаяли то выли
а я боялся в зеркало взглянуть
и руки парикмахерши томили
и неслучайно прикасалась грудь

и старше стал но не было печали
меня ли слабый пол не привечал
но злые псы за окнами рычали
и я робел и злился и торчал

★ ★ ★

впустую время трачу
как будто в мыслях течь
сам на себя батрачу
и разбавляю речь

не то сухою солью
не то густым медком
но позабытой болью —
стоит как в горле ком

блестит дорожный камень
как будто мне займы
отсвечивает пламя
дыхания зимы

★ ★ ★

гулянье осенней заразы
тебя пробрало до кости
и ночи пусты и безглазы
и сердце зажато в горсти

но свет потолочною фреской
вдруг выдернет прочь ото сна
от всплеска до нового всплеска
надежды стучится весна

★ ★ ★

был наглец и бодр и весел
и грустящего дразнил
что мол голову повесил
полдень грустью очернил

но однажды он на грабли
наступил судьбу кляня
и глаза его ослабли
пусто глядя на меня

громких слов уже не мечет
не таит печаль и грусть
в спор не лезет не перечит
жизнь проходит ну и пусть

без его тупых подначек
я устал печальным быть
старый ворон не варначит
умеряя мою прыть

★ ★ ★

что поразительно — там на краю земли
где что ни утро чистые пороши
они воспоминанья намели
и ты мне написала мой хороший

и мне как прежде светит этот свет
годами понапрасну вьюга выла
прошло так много быстротечных лет
обратный адрес написать забыла

ЧАСТУШКА

после дождичка в четверг
стыла лужа ржавая
ты любовь мою отверг
потому и ржала я

я частушечку спою
сочиню проворненько
ты пытал любовь мою
от среды до вторника

оторваться не могу
от тебя подельника
всё бегу бегу бегу
вспять до понедельника

ни о чём не говорю
не кричу неистово
так легко календарю
всю тоску отлистывать

★ ★ ★

вот облаков небесных рать
безвестная доныне
намерилась меня карать
за мелкий грех унынья

сизжу над тихою строкой
над медленным строеньем
строки
 над тихою рекой
и вод её струеньем

и в этих близких небесах
отсвечивает пойма
там взвешивают на весах
там я раскрыт и пойман

живя на быстрых скоростях
меняю обстановку
пусть облака меня простят
за эту остановку

★ ★ ★

мало ли случится вы не верьте
и не повторяйте чепухи
просто мне подумалось о смерти
душу тяжелят мои грехи

ветер зимний задувает в уши
музыку скрипучую косой
и она мне сердце сушит сушит
ночь таща печальной полосой

сам себе я не придумал мести
сам себе неправды не скажу
рассуждать о подвигах и чести
не придётся я и не кружу

вкруг сомнений и другогохлама
из невыговоренной тоски
осадить порой случалось хама
и подонку не подать руки

кто мои итоги подытожит
страх которым сам себя пугал?
видно помогал мне щедро, Боже,
если я кому-то помогал

★ ★ ★

упаду лицом в ладони
я когда-то говорил
видно утлый чёлн не тонет
жить ещё хватает сил

я наверно бестолково
эту жизнь свою живу
но во сне мне снится слово
снится будто наяву

будто всё-таки случится
и старанья не пусты
где-то слово волочится
продираясь сквозь кусты

ГОРОДСКОЙ СКВЕР

на этом старом сквере
когда-то я сидел
сидел себе не верил
по сторонам глядел

как вечные римейки
банальной чепухи
толпились у скамейки
соседней мужики

они топтали бровку
где подступала грязь
делили поллитровку
нещадно матерясь

потом распив вторую
вновь матерок гоня
как будто что ворую
воззрились на меня

глядят как на матрёшку
ну выпили! ну шо?
а я им сунул трёшку
поднялся и ушёл

не трать словесной сыпи
прочь оправданий нить
ведь мог же с ними выпить
добро поговорить

юнец жестокосердый
ценою в три рубля
скажи какой был щедрый
какой был щедрый бя

★ ★ ★

заканчивалось лето
разгуливалась тля
а мне казалось это
прощанье что петля

потом тянулась осень
темнел небес свинец
раз семь а может восемь
я повторял: конец

потом случались зимы
стиравшихся надежд
и ветер дул сквозимый
прорехами одежд

и наступали вёсны
и не было мне жаль
что выгребали вёсла
челнок в иную даль

и шурилась природа
улыбкою в лицо
и завершалось года
упругое кольцо

* * *

свет и зелень хлорофилл
ряд деревьев вехой
я тебя не подловил
на идее ветхой

соблюдая свой режим
до конца недели
не зови меня чужим
что с тобой мы делим?

или я уже немой
будто порешили
или день-другой не мой
не ко мне пришили

говорю закройте рты
гнусные зеваки
говорю не верь им ты
всюду-всюду враки

а кровинка на губе —
горькая калина
снится вдовая тебе
на могиле глина

★ ★ ★

они сидят растерянно в гнезде
они птенцы сияния дневного
но к полуночной тянутся звезде
и пробовать крыло готовы снова

полёты начинаются с утра
усталые снимаются с орбиты
и встречные весёлые ветра
снимают накипь с крыльев как сорбиты

и с высоты слетают голоса —
какую песнь из каждого исторгла
луна река окрестные леса
испуг не пересилит их восторга

* * *

не догнать вечерней мысли снова утро намудрит
флаги под дождём провисли попусту фонарь горит

и выходит на охоту словно зверь ненастный день
делать грязную работу тень навесить на плетень

а не дам ему разгула воровато-злому дню
вот его уже продуло я его похороню

и достану без обмана день который зазвенит —
словно ножик из кармана — тем и станет знаменит

что ещё недавно хмурый и ползучий словно гад
он летит что конь каурый наудачу наугад

* * *

ну толкуешь ты про слово —
соль земли и чернозём
припугнут глядишь и снова
в конформисты отползём

ты талдычишь как мессия
про высокие дела
а виновата вся Россия
если баба не дала

так что пой голубчик песни
неустанно тут снуя
но бульжники на Пресне
корчевать не стану я

и не стану буду гадом
разговоры эти для
ни сидеть с тобою рядом
ни обгаживать поля

★ ★ ★

говоришь, но не переизменишь
слов какие сказаны со зла
ты напрасно вороном варначишь —
я такого не видал козла

хорошо обзаводиться налом
времена я разные знавал
но зато страницами журналов
никогда нигде не торговал

и напрасны все твои потуги
оправдать предательство и ложь
ты мне долго набивался в други
адрес знаешь — сам туда пойдёшь?

* * *

что-то мент тарахтит по рации
встал уазик на тротуар
дождь прошёл от цветков акации
отлетает весёлый пар

ты конечно меня забыла
школьный двор где скамейки пусты
чтоб там ни было — что-то было
обрывали мы эти цветы

не цветы а цветки жевали
так что двигались желваки
ты припомнишь меня едва ли
разве только приступ тоски

* * *

Пловец владеет телом
владеет он водой
в движенье оголтелом
не знается с бедой

вода владеет телом
усталого Пловца
в движенье оголтелом
и нет ему конца

принадлежа друг другу
Стихия и Пловец
всё движутся по кругу
как завещал Творец

ДЕВЯНОСТЫЕ

никакой не надо пытки
зубы нечего дробить
пересчитывать убытки
плюнуть растереть забыть

так Микуха начал дело
обокравшего простил
только в баньке бросил тело
на сжигающий настил

бизнесуха небольшая
шахер-махер оборот
рэклет вился вопрошая
сколь на рыло? вот урод

но герой не долго пожил
не велик скажу секрет
тот кого он облапошил
не простил Микуху нет

★ ★ ★

чем фильма завершится мне известно
стараньями болтливого соседа
приветлив он как мало кто из местных
и тянется случайная беседа

вот будет повторенье репортажа
футбольного но стоило просчёта
когда я зацепился с ним и даже
успел он тут же сообщить про счёт мне

но жизнь течёт и я ничуть не ною
порой неярко всё же не убого
Господь он не беседует со мною
и потому не ведаю итога

* * *

может жизнь идти иначе
не сужу не ворожу
у неё не спросишь сдачи
и не надо не прошу

быть бы дню за ним другому
чтоб не кончился завод
чтоб не знать несчастья дому
наступленья мрачных вод

ждать всемирного потопа
суть — унылая игра
пусть немало я протопал
не пришла ещё пора

подводить свои итоги
и в унынье разом впасть
пусть ведут по жизни боги
их неласковая власть

солнце ластится что кошка
и меня берёт азарт
только выглянул в окошко
на дворе гуляет март

пёс дворовый веселится
за своим вертятся хвостом
жизнь продолжится продлится
остальное — о пустом

* * *

по сколько примем крепких грамм на нос, но
при этом меру зная, зная нас, но
об этом рассуждая лишь наносно
и можно согласиться что напрасно

мы склотили быстрое застолье
и очень скоро влезли в злые споры
о том как нам жилось во дни застоя
когда мы не сворачивали горы

как всякий пьяный спор наш был бессмыслен
наш гомон шанса не давал раздумью
в конце слова какие-то провисли
как мокрый парус, ветер вроде дунул

но не осталось воли для движенья
и глядя на разбросанные брашна
на том столе не сразу поражение
мы осознали нам не стало страшно

гляжу не в телескопы — значит в лупы
приблизившие время прожитое
мы были юны счастливы и глупы
и это всё чем славен час застоя

★ ★ ★

дни становились день за днём короче
но вот зима свернула на весну
теперь уж укорачивались ночи
а я хоть так хоть этак не усну

мне видится дозор ночная стража
шагающая в сумрак роковой
ни высмотреть полночного пейзажа
ни прекратить безумный ветра вой

и всё что эта полночь намолила
навевля напела наплела
заброшено как старая могила
за нею ни пригляда ни тепла

* * *

ветер бросил горсть песка
и не оттого ли
показалось: смерть близка
до сердечной боли

но ещё один порыв
ветра злой и свежий
мне шепнул: до той поры
ты ещё и не жил

понапрасну не пеняй
не ругай погоду...
понял хватит для меня
молока и мёду

и пошёл я вдоль волны
бережной прибрежной
вдоль взбухающей весны
в сердце в песне нежной

* * *

носители неведомых фамилий
чей вклад в земную радость невесом
возможно центр тяжести склонили
под некой Девой или неким Псом

и вот пылают по ночам созвездья
и гроздя прочих спутников и звёзд
ведь из чего-то соткан тоже весь я
раз этот груз текущей жизни взвёз

так дай же мне волну последней силы
пить до конца земную красоту
ей буду поклоняться из могилы
пока же набираю высоту

ЗОЛОТЫЕ ГРОЗДЬЯ ВИНОГРАДА

★ ★ ★

у любви всегда презумпция невиновности
впрочем не бывает любви без вины
когда каждый миг поступают новости
из эфира переносящего сны

тайны выдумки прегрешения
сладкой терпкостью хороши
как настой из горечи и женьшеня
как настой исстрадавшейся души

и когда сомнение холодком по коже
отзовётся как обвинительный приговор
оставайся любящим и непохожим —
негодяй счастливец безумец вор

★ ★ ★

буду нежный и грубый
буду чист как слеза
буду пить твои губы
и смотреться в глаза

обнажён и распахнут
сжат как будто в кулак...
твои волосы пахнут —
я придумаю — как

буду наглый и робкий
буду — мгла
буду — свет
я забуду уроки
мною прожитых лет

★ ★ ★

воробьи сбиваются у луж
голуби целуются на крыше
солнышко распахнуто к тому ж
я с душой распахнутою вышел

пахнет воздух новою весной
вон щенки трянули головами
что случилось с ними и со мной
не могу я передать словами

★ ★ ★

в душе царит какой-то мезозой
хотя не знаю я что это значит
ничем не объяснимою слезой
твоей воскресный день сегодня начат

не равнодушен вовсе я не глух
не возводи напраслину не надо
ты возражаешь мол одно из двух
а мезозой уполз дорожкой сада

и вот уже улыбки не тая
я требую восторженных оваций
здесь кто главнокомандующий? я!
так не мешай мне в сладкий плен сдаваться

★ ★ ★

ветер к нам приносит острый запах
с ближних невысоких с дальних гор
подступает лес на хвойных лапах
чтобы наш подслушать разговор

золотые гроздья винограда
на закате светятся огнём
ничего мне говорить не надо
лучше молча посидим вдвоём

пусть ночные подступают страхи
затевают призраки игру
ворот распахну своей рубахи
и вздохну и снова не умру

★ ★ ★

солнечное утро моря зов
по утрам гуляет бриз
здравствуй говорю ему Азов
из далёких далей из

городов где я брожу
где и море солоней
памятью опять кружу
по пространствам прежних дней

время может ускользать
память может просквозить
я не знаю что сказать
чем их мне соединить

* * *

ночь шелестит дождём обледенелым
постукивает дворничиха ломом
торчу в окне отвлѣкшись между делом
и слышу грохот над аэродромом

какого чѣрта столько лет не спится
ладонью «мышку» до рассвета грею
и дом — не дом хотя и не темница
выходит потихонечку старею

а всё меня на резвости толкает
моя неутомонная природа
вот сдобрю ночь бокальчиком токая
какого-то удачливого года

и вновь душа поѣт царит алеет
со всякой чепухою воспарима
а то ещё как в молодости млеет
и не стыдится пролетая мимо

сараев пустырей забытых скверов
и ни о чём как прежде не печалась
она готова принимать на веру
за всё легко и весело ручаясь

★ ★ ★

завод зовёт труба трубит
и ты как идиот
к текучке дней своих прибит
закат или восход

уже немало истекло
истраченных годов
и сквозь оконное стекло
не видно их следов

так выйди олух на мороз
вдохни его и ты
пока не вмёрз не встыл не врос
в бетонку мерзлоты

★ ★ ★

дом на окраине лесного
массива тих и одинокий
бывало едем мимо — снова
глядим на тусклый огонёк

наверно в нём не спится фее
но уж не Бабушке Яге
наверно лампа бронзовеет
и кошка ластится к ноге

быть может там чадит лампадка
или скрипит веретено
и пахнет хлебом кисло-сладко
а на столе стоит вино

и печь гудит теплом и дымом
делясь и ходики стучат
и мы всё едем мимо мимо
а новый день уже зачат

пусть на догадки мы охочи
но не ходить нам в этот лес
где пересчитывая ночи
дом на опушку леса влез

а вот зашли бы — не погибли
не стали б страха выдавать
чтоб словно в сказке трибли-рибли
красавицу расколдовать

★ ★ ★

она идёт девчонка ух!
за ней вослед крадётся лето
гуляет тополиный пух
вокруг грустящего поэта

не стар не молод и не юн
а вечен он глядит печально
на этот праздничный июнь
на этот гомон величальный

и я на площадь выхожу
не понимая что такое
с чего я всюду нахожу
столпотворенье ментовское

они полиция теперь
а эти сиречь демонстранты
и дышит в спины злобный зверь
и лозунги и транспаранты

количество голов и жоп
неумолимое теснится
прости великий эфиоп
твой день рожденья тьма столица

★ ★ ★

уже разбросаны коробки
подарков с адресом земля
и разговор идёт короткий
но никого уже не зля

и там не голова на блюде
сейчас иные времена
но люди остаются люди
их имена как имена

во что дискуссии упрутся
куда они в какую даль
затырим времени у Пруста
минута камешек деталь

чего искали не узнали
выпрастываясь из одежд
завяжем времечко узлами
несостоявшихся надежд

ПЕСКОМ ИЗ РУК

1

поминутно поминутно
вскрикивал электровоз
некомфортно неуютно
пассажиров дёргал вёз

необычно непривычно
долго дул в свою дуду
будто он железный лично
выстрадал свою беду

и тащил тащил тащил он
переполненный состав
словно тщился тщился тщился
делать вид что не устал

вёз он радость вёз он беды
тех кто в тех вагонах был
что он ведал и не ведал
вскрикивал гудел и выл

миновал поля и реки
долы сёла города
и сидели человеки
в тех вагонах в никуда

ночной пустующий вокзал
провинциального пошива
в него недавно крик вонзал
состав почтового пошиба

его бессмысленный мотив
на одиночестве замешен
лети лети локомотив
садами вишен и черешен

туманный вскрик глухой гудок
рождался в недрах Акагуя
окутывая городок
опутывая атакуя

и только непутёвый птах
взлетал и опускался снуло
где ночь превозмогая страх
короткой болью вдруг кольнула

и что я слышал в эхе длинном
когда я в тамбуре торчал
что город Клин сошёлсся клином
в судьбе в конце моих начал

все наши споры ссоры стычки
весенний ветер уносил
и громкий голос электрички
кричал о чём-то что есть сил

4

о чём-то токует колёса
толкуют на стыках стуча
выходит луна из-за плёса
туман за собой волоча

тускнеет ночная ограда
и веток обломанных хруст
до нас долетает из сада
который по осени пуст

гудит на мосту электричка
кого она хочет увлечь?
какая дурная привычка
тянуть стихотворную речь

пускай это вовсе не поза —
стремление выловить звук
но даже суровая проза
песком вытекает из рук

★ ★ ★

на запад на запад
а как же начало исток
внезапно внезапно
возврат на далёкий восток

не юг и не север
не средней глоток полосы
что скрыто в посеве
воспрянет в иные часы

выглядывай бонза
упрятанный в чёрный гранит
а мрачная бронза
усталость эпохи хранит

СОБЛАЗНИТЕЛЬ

деля на километры или мили
пространство наполняя суматохой
болезненно вы плоть свою сломили
не ведая ни выдоха ни вдоха

но вам везде мерещилось что вышит
ваш тихий мир погубленной душой
и он пришёл и высмеял и вышиб
сомнения и стал во льду вершою

голодный злой несчастный и весёлый
распространялся словно дым в тумане
горчащий перцем просолённый солью
бескровный бледный дух Абастумани*

туберкулёзной синевой небесной
ступая по тропинке росамахой
он был как мрачный демон или бес, но
боялся света в утренних домах он

и вот истаял и ушёл исчез он,
недоумение превозмогая
скажите хоть себе признайтесь честно
он негодяй но вы теперь другая

* Абастумани — горный курорт с лечебницами для туберкулёзных больных. Намёк на то, что событие происходит в санатории для туберкулёзников.

и вас не обойти другой обводке
когда уже и выпит он и допит
в водовороте жизни вашей лодки
которую ведёт отпетый опыт

ФРОСЯ

а как Фрося жаловалась кресло выцвело и нема чехла
и весь день держалась приблизительно той же тематики
вспоминала отцову жену вместо матери — мачеха
а отец школьный учитель математики

и всё детство — школа потом прибегала: двор сад огород
отцу помочь мамке помочь прибрать к лету дом и пристройки
а то ж понаедут и всё городской народ
а там пересчёт бюджета на человеко-койки

и так за годом год пока один
по вечерам не повадился с Фросей гулять на речку
весь из себя такой вальяжный такой господин
а Фросе было неловко отказать человечку

и когда она эту Наталку свою родила
то болящие батя с мачехой стали Фросе опорой
и жизнь текла как раньше одни и те же дела
только чаще названивать приходилось «скорой»

и в ночь когда торопливо и жадно любила она
заезжего фёрта и про жизнь рассказывала ему тож торопливо
обвалилась старой пристройки глухая стена
где жизнь её протекла счастливо-несчастливо

с плачем Наталка прибежала к реке
мол дед и бабка кажись и не пострадали
и Фрося рванулась крик зажав в кулаке
а ферт запрыгнул в машину только его и видали

так и не привадила баба себе мужика
так и жизнь протекла небылью былью
я слушал её вздыхал смотрел на раздавленного ужика
уже присыпанного придорожной пылью

БАЛЛАДА

ему б сменить карандаши на авторучку
а то б сменить порыв души на злую сучку
или стаканом заливать остатки чести
как будто горе горевать поврозь и вместе

была идея как срубить ему капусту
стал где не надо всем грубить в карманах пусто
и умотал за океан во штат Миссури
не то был трезв не то был пьян в припадке дури

ему уютно и тепло и даже сытно
он стал зануда и трепло на дружбу сыт но
когда стучит своей башкой по баобабу
не разрешается тоской и хочет бабу

скажи пожалуйста пострел желает счастья
он сам не знает как поспел сбежать от Насти
когда она могла сбежать ругаясь: тюха
а он не знал как удержать прости Настюха

их развела морская соль за океаны
Настюхи боль Петрухи боль и оба пьяны
в своей голодной злой тоске чтоб дни летели
он будет ёрзать на доске вроде модели

и Настя вой или не вой немало лет ли
истосковавшись головой залезла в петлю
и тут он руки не умыл примчал однако
он то рыдал то зверем выл — заткнись собака! —

ему бы оправданье сплёл сюжету веря
но он повесился козёл за нашей дверью
он не сменил карандаши и даже сучку
пристроив под отрыв души дверную ручку

КУРОРТНОЕ

утром к завтраку выходит одиноко
а потом на пляже делает вид что дремлет
мужики косятся лошадиным оком
а она как-будто взглядам тем не внимлет

а если присмотреться когда идёт на ужин
в вечернем наряде вроде и нелепа
сразу понимаешь что нет в наличии мужа
и жаждет хоть глотка и корки чёрного хлеба

а глаза что вишни и губы что вишни
и кажется мимо убога и туповата
сама не разумея кто же тут лишний
её огибает обходит толпа та

которую будто впадающая в детство
она оглядывает с детской обидой
и где ей ведать средство где взять ей средство
которое излечит печаль-тоску не выдав

так день за днём проходят как-будто она в коме
и не разбудить её шумящим деревьям
но мужики не решаются не пытаются кроме
одного который сможет втереться в доверье

и боже что за праздник врывается в будни
когда однажды утром как утро прекрасна
она идёт с ним рядом — любуйтесь же люди —
ах это ожиданье не стало напрасным

у них впереди последняя неделя
и видно по взглядам архаровцев-ордынцев
которые праздник с ней так и не делят
из которых не вышло пусть суррогатных принцев

и каждый думает мол это нечестно
что этот один выиграл в лотерею
а я словно заведующий этим казначейством
в скачках не участвую — видать старею

с чего же мне радость? вон милая критикесса
меня попрекнула за — моё всегдашнее к слабым
нежным стервозным унылым как месса
счастливым несчастным — сочувствие бабам

БАКЕНЩИК

он духарик и в семь узлов
он несётся и плещет влага
всем на зависть и всем назло
на трепещущий кончик флага
ох и любит он по утрам
сам с собой затевая скачку
всем устраивать тарарам
гнать на дальнюю водокачку

мы и злимся но нам-то нам
что за дело до гонок этих
пусть летит себе по волнам
в этом раннем багровом свете
он уймётся только тогда
как не станет глядеться в оба
вот и нате пришла беда
и стоим у простого гроба

ветер плакал над ним и выл
укорял мол неосторожный
он-то бакенщик классный был
и мужик что кремень надёжный
и спустя три десятка лет
набредя на его могилу
вспомнил я катерок «Привет»
нагловатый полёт и силу

выброс утреннего рывка
после душной и горькой ночи
до похмельной кружки пивка
до тоски одинокой волчьей

встретил местных и молодых
развели в неведение руки
был ты не был Иван Седых
долетают мотора звуки
всё мне кажется: вдаль гоня
лихо он подлетает к пойме
вот не станет когда меня
кто Ивана на свете вспомнит

★ ★ ★

короткие удары пульса
спор о диагнозе прогнозы
знаток четвёрки ливерпульской
он жить предпочитает в грозы

он бос и гол в шестидесятых
он сытый на исходе века
судья другим вполне предвзятый
ещё подобье человека

мне грустно видеть что купюры
ему давно и совесть застят
что выпускник престижной юры
он крепь и стан бесстыдной власти

что кровь его давно прохладна
что лоб его кровавят розы
что он иссяк иссох и ладно
и не страшны ему морозы

★ ★ ★

вся гонка вьётся словно спрут
детали влиты в скрип педалей
на финише предпримешь спурт
и вот стоишь на пьедестале

жизнь не стремительный рывок
не выстрел на опереженье
судьба судьбою роком рок
бесперебойное движенье

неисчислимый счёт доплат
и хорохорясь сам с усами
ты видишь этот циферблат
растянутый над полюсами

и догадавшийся уже
когда и как заполнишь нишу
на предпоследнем рубеже
скажи: Господь я так завишу

от этих радостей земных
от горестей бездонных вроде
не отрывай меня от них
дай насладиться на исходе

той жизни где мой дух возрос
и понял самое простое
мгновенье полно а прогноз
напоминание пустое

★ ★ ★

небо кажется пустым
море чудится опасным
дым пугает нас густым
чёрным или даже красным

мыслью бедною скользя
жизнь свою воспринимаем
будто каждый день грозя
вечно мающимся маем

надвигается на нас
чем-то разным чем-то грозным
и однажды ударит — раз! —
и расквасишься но поздно

небо дышит чистотой
море ласково покорно
дым рассеялся густой
кукурузный взрыв попкорна

в общем тишь и благодать
невозделанная нива
научись дурак страдать
а не тешиться лениво

Надежде Синиченко

а я себя сегодня мыслью грею
что дни текут как вечная река
что я ещё не отдан брадобрею
и палача бездумно спит рука

что жизнь до упоенья невозможна
и что прекрасен мой безумный день
и что тревога и пуста и ложна
напрасно тень наводит на плетень

что всё вокруг спокойно тихо гладко
что вовсе не проникнуто тоской
но брезжит осторожная догадка
что не случаен радужный покой

что и печаль и боль берут другие
и вдаль уносят в призрачных руках
что близкие твои и дорогие
как ангелы витают в облаках

★ ★ ★

по ступеням по красному крену —
львиный выводок грозен и зол —
ассистентка идёт на арену
вся затянута в красный камзол

грозный выводок в злобе напрасной
подчинится движенью хлыста
будет свет будоражаще-красный
целовать её прямо в уста

в эти пухлые алые губы
вкус которых познать мне дано
я б наверно ушёл в однолюбы
оказалось что ей всё равно

кто подвержен умелой дрессуре —
львиный прайд и тигриный оскал
но в предутренней ветреной хмури
я дыханьем своим согревал

завитки на прохладном затылке
коготки её маленьких рук
а потом оттеняли опилки
сиротливо зияющий круг

вот и бегал послушно на лапах
задних лапах бездумно за ней
лишь опилок разбросанных запах
от ночей тех остался и дней

то бежал то вышагивал чинно
ей навстречу порою ночной
сам себе представлялся мужчиной —
это детство прощалось со мной

памяти Цыбулевского

опять подъём по спуску Элбакидзе
и снова спуск по Винному подъёму
там дышит торнэ пахнет сыром киндзой
и ахашени празднует истому

там время обозначено резьбою
перил ажурных винтовых ступеней
что неподвластно грозному разбою
веков не растворится в жёлтой пене

весеннего разлива бурной Мтквари
когда плоты раскачаны волною
и ветер воеет воем гнусной твари
шакальей стаи лаем за стеною

за валом крепостным где подступали
монгол араб неугомонный турок
где сыновья Отчизны милой пали
и кровь рекой стекала в переулок

а Грузия жива и жив Тбилиси
какой шакал ни жаждал новой крови
века текли и вот они сплелись и
любимый город полон яркой нови

иди от века в век от дома к дому
из дали вдаль из близи к новой близи
спускаясь вниз по Винному подъёму
и вечно вверх по спуску Элбакидзе

★ ★ ★

итак итак вступая из-за такта
и ощутив волнение в крови
я вынужден признать явление факта
последней поздней трепетной любви

и если речь вести по сути строго
а как иначе на закате дня
её явление есть явление Бога
и значит есть явление меня

вчерне на этом воздухе вечернем
когда подсвечен ярко небосклон
прости мне словесами увлечение
я человек и мне подобен Он

и если я то жалуюсь и плачу
то возношу мгновению хвалу
я существую ибо что-то значу
в Его глазах и неба пахлаву

глотком и вдохом впитываю жадно
проглядывая свет где свет и край
клянясь тебе что ты последний ад мой
чистилище моё прощальный рай

★ ★ ★

солнце придёт внезапно
спящая на руке
что ты мне скажешь завтра
в утреннем далеке

ну а пока не поздно
трепетный сон кляня
пересчитаю звёзды
видящие меня

мучай себя не мучай
жизнь это мнимый миг
острый больной летучий
я его вдруг постиг

а потому искусство
быть ещё молодым
только мнимое чувство
тающее как дым

ГЕНТСКИЙ АЛТАРЬ

лучи светила — золотые спицы
какими их изобразил Ван Эйк
где мне преображённому не спится
где никогда уж не прикрыть вам век

где ярко освещённое пространство
где боль уж не наступит никогда
где позади оставив список ран свой
мы все — одно сияние звезда

но чтобы стать преображённой сворой
прости мне слово грешное прости
мы вынуждены строго и сурово
беспамятство своё приобрести

а если нет то как же эта каша
перечисленья бед или обид
пережитых и нанесённых нашим
родным и дальним нам не застит вид

сияния где золотые спицы
где ночь бессильно тянется ко дню
где мне опять мучительно не спится
где мысль-сомненье от себя гоню

ОСЕННЕЕ

1

зыбь податливо легка и прощальное кру-кру
тихий трепет тростника словно струны на ветру

со стволами я нелеп да хотел бы — не попал
кто-то добывает хлеб птицу срезав наповал

одному погода жуть третьему не тот тариф
пятому ботинки жмут а седьмой не говорит

жизнь — вращающийся круг гончара — течение дней
и подвешенный на крюк станешь суше и видней

стынет палец на крюке спусковом и как сберечь
на родимом языке ниткой вьющуюся речь

2

за окнами закон зимы
мороз трещит напропалую
а это мы или не мы
о нём восторженно толкуем

следа движенья гончара
как зачарованные стоя
забыв звучавшее вчера
кувшин наполнен пустотою

и гулок отзвук пустоты
в нём не молчанье — отзвук эха
отверстый клапан и густы
раскаты яростного смеха

где ж истина таится та
которою пренебрегая
читаем звонкий звук с листа
с листа на лист перебегая

и прав ли незабвенный тот
кто светит скептикам — свеча им —
что нет молчанья нет пустот
когда мы звуки различаем

★ ★ ★

это что ещё за чудо
это сколько их — народ?
так виновен ли Иуда
рыжий бес Искарот?

эти ржут а эти плачут
тем веселье тем беда
может что переиначат
все столетья все года

не надейся брат не надо
здесь холмы и камень-грот
так и станет вечно стадо
величать себя — народ

★ ★ ★

глаза уставишь в небо
а в небе облака
покачиваешь немо
башкой она легка

не ведая заботы
как птичка на суку
с субботы до субботы
свое ку-ку ку-ку

и солнца оленёнок
прорвавший пелену
знаком тебе с пелёнок
со сна или ко сну

снуют по небу грозы
и молнии летят
зачем они сквозь слёзы
дождя на нас глядят

ГОНКИ ПО СТЕНЕ

остался на лихую ночку
с чего-то сам себя кляня
а утром обнаружил бочку
где с рёвом мотоцикл гоня

несётся всадница лихая
зигзагами то вверх то вниз
я редким зрителем вздыхая
таясь над бортиком завис

глушитель как гремящий выстрел
и эта гонка в никуда
её проносит смертной искрой
в непостижимые года

воспоминанья люли-люли
не могут до утра прилечь
они проснулись и уснули
и вновь проснулись и сбечь

стремятся времени певучесть
но тут гремящий агрегат
рогатый хоть пеняй на участь
в реальность возвращает гад

ЭЙЛАТ

стоишь у воды где оравы
весёлых галдящих юнцов
а слева и справа арабы
лагуну забрали в кольцо

полощутся весело флаги
я сердцем к их треску прильну
ныряльщик несёт акваланги
чтоб скоро скользнуть в глубину

здесь жизнь сотворяется ради
себя же самой и отнюдь
заполнив страницы тетради
ты вновь собираешься в путь

готовь свитера и перчатки
вернуться к зимящему дню
но этой зимы отпечатки
в душе навсегда сохраню

соседушка слева грозитя
мол будет вам грохот и хруст
и справа мечтает сразиться
но в этих мечтаниях пуст

грозись и шуми и ходи там
где ходишь наполнен хулой
не надо летучим орбитам
встречаться ни взрывом ни мглой

ПРУДЫ

1

наступит осень и листья наземь
лужайка восемь ну скажем на семь

и жаркий полдень уже наскучил
поскольку пройден поскольку случай

и что ни пелось что не сказалось
воде кипелось а всё казалось

язык шершавый сердца согрей нам
ты из Варшавы я нынче с Рейна

а берег скользкий а мостик узкий
словарик польский словарь русский

2

я не праздную и не ликую
я вытягиваю весло
и хочу узнавать такую
как узнать тебя повезло

рассуждая о светской даме
на природе сходя с ума
я готов пропеть за дроздами
строки сложенного письма

и в своих устремленьях меток
и упрям что тупой чугун
составляю букет из веток
словно варвар упрямый гунн

и хотя рассужденье живо
я мол капаю на мозги
всё что сказано мною лживо
сам себе говорю не лги

я сушу весло ну а лодка
трётся как щенок о причал
сам себе удивляюсь вот как
наборматывал накричал

только память волнами смыло
только осени ветер завыл
взглядом ты меня вразумила
было-не было всё забыл

* * *

парад пробуждает чувство державы
я эту жвачку не разжую
мы эти стяги уже держали
есть ощущение дежавю

нале-направо равнение братцы
напра-налево за шагом шаг
ну сколько можно в игру играть
трепещет враг только где он враг

а ты не думай ты топай топай
гляди восторженно на него ж
и площадь штопай шагами штопай
а он и вправду думает вождь

куда ж ведёт он пойму ль скажу ли
а сам он ведает ли куда
и грудь выпячивает заштатный жулик
и догорает над ним звезда

* * *

мы рисуем различные схемы
наши споры — шумящий вокзал
инвалиды советской системы
как однажды Малецкий сказал

мы шумим и друг друга не слышим
понимая друг друга слегка
что мы выкричим что мы надышим
что не выдохнули мы пока

мы рискнём через площадь по лени
не спускаясь в пролёт под землёй
а большой и бессмысленный ленин
нависает бессмысленной тлёт

эта тля эта груда гранита
этот ржавого цвета урод
нашей кровью и потом пропитан
и дышать никому не даёт

неужели холмы и долины
или озера чистый стакан
это только кровавые глины
на которых стоит истукан

но пока он стоит и не дышит
дураков и подонков божок
нас Вселенная наша не слышит
слишком слаб наш призывный рожок

★ ★ ★

снова в ящике жуткие страсти
оказалось эпоха не минула
прихлебателей подленькой власти
лжи несметной лавина не схлынула

так им страшно что зол он и зорек
бдит хозяин за их же стараньями
он любитель спортивных креолок
заправляющий стаями враньими

на чужую врзает он пахоту
чтоб округа вовсю трепетала
говорят ему кровью пропах ты
собиратель драгого металла

не спастись никакою молитвой
ни в своём ни в чужом огороде
сумасшедший с опасною бритвой
переулками нашими бродит

★ ★ ★

не во всём мы с тобою согласны
но поскольку грядёт термидор
завлекают иные соблазны
развлекает синьор помидор

так чему нас так долго учили
что вселенский куражится хам?
пусть его много раз училили
и долбили по всем потрохам

мир казался ему интересен
он удачно сколочен и сбит
и наполнен звучанием песен
и не ведает мелких обид

но ступая то ровно то боком
озверев от жестокой тоски
он в сомненье своём одиноком
души рвёт на живые куски

и привержен бездарным повторам
дурью мается пуст и убог
и грозитя своим термидором
термоядерный наш полубог

★ ★ ★

шатёр ночного шапито
стремясь к сквозным небесным дырам
струится в это решето
пропитанное звёздным дымом

твой человеческий крик твой дух
твоё мученье и страданье
к нему весь мир и нем и глух
как слышно в песне стародавней

но ты как видно не забыт
когда идёшь походкой твёрдой
ты не избит ты не избыт
ты обращён к созвездьям мордой

случилась жизни полоса
которая в распыл годится
гляди в ночные небеса
придумывая чем гордиться

* * *

зачем нам грустные труды
нелепого воспоминанья
уж сколько утекло воды
забвения тоски незнания

как строилась твоя судьба
как строилась моя не важно
нас каждый день звала труба
за ней шагали мы отважно

то согревал нас лунный свет
то среди дня светило гасло
день протекал: вопрос ответ
выдавливая смысл как масло

но иногда скорей со сна
в короткий миг бесплодной лени
приходит поздняя весна
глотком напрасных сожалений

* * *

«кого хотели того имели!» —
сто граммов водки тупой бахвал
согреет душу к весне к зиме ли
соврёт себе же не сплеховал

а то как трезвый другая песня
мол одинокий кому он мил
мол жизнь уходит а интересней
она не стала и день постыл

себя он греет в спиртовой неге
а хоть кого-то когда согрел
когда и были в былом набег
когда в побеге спешил пострел

а то уходит к ночным бульварам
как будто тянет какую нить
подходит криво к заблудшим парам
стыдливо спрашивая закурить

он что ли хочет теплом согреться
чужим неведомым проходным
душа пустая пустое сердце
пустое облако ветер дым

* * *

ничего ничего не лишне
если память жива и трепет
возникает в цветенье вишни
и картины струит и лепит

день который сияньем вышит
не сгорит обращаясь в пепел
если сок из него не выжат
если он повергает в трепет

хорошо говорить о бывшем
если нет о нём сожаленья
если память живёт и дышит
словно свежее воспаление

ни счетов ни обидных реплик
но смешнее слышней и выше
ветер прошлого ветви треплет
сумасшедшей в цветенье вишни

* * *

куклы зайчики медведи
или прочие зверьки
эти милые соседи
плюшевые утоллки

эти белочки свинюшки
и другой набор лесной
эти детские игрушки
под рождественской сосной

что за славные подарки
это кто же их принёс
это к вам ли из-под арки
пробирался дед мороз

вы нагуливали щёки
в ожидании чудес
находил же старый щёлки
как-то в дом он к вам залез

чем гулял мороз морозней
тем желанней благодать
возвратясь с прогулки поздней
торопиться угадать

что в кулёчках что в мешочках
ватный снег в сверканье звёзд
верит сын и верит дочка
это дед мороз принёс

и покуда мир невечный
этой веры был не лжив
я и сам-то был беспечный
весел молод крепок жив

СВЯЗКА

(немецкий водитель, русский экскурсовод)

автобус ворочается как боровдизель бормочет молчи-не молчи у водителя тоже суровый норв а всё же он рад беседе в ночи покуда свет приглашен в салоне покуда доносятся храп и свист спят безмятежно сомлевшие сони — за день умаялся бедный турист а я на этой жёрдочке еду будь проклят сконструировавший её вот и ведём с водилой беседу про всю нашу жизнь про ё-моё бегущее время про самоедство скажи ты — и он рефлектирует здесь где всяким чувствам совсем не место совсем не время — а время-то есть и только когда облаков перламутровых над дальним холмом навесит рассвет наступит утро и это утро сведёт наши речи ночные на нет и наших туристов милые рожи начнут возвращаться в текущую жизнь мы станем думать что чем-то похожи что понимаем друг друга кажись

★ ★ ★

из Шарля де Голля помчаться в Орли
взлетай ястребком и орлицей орли
взрывай обороты и дизель пали
и цель твоя видится ближе

у стойки срываясь всучить документ
маячит уныло ажан или мент
на клерка шумни успевая в момент
успел пересадка в Париже

и пусть над тобою рождается гул
как будто неловкое слово ввернул
болтун бестолковый ревуший что мул
упрямо сулящий разлуку

итак пересадка и тел и сердец
я в смысле души и прощанью конец
и это похоже на тусклый венец
покорный летящему звуку

ПРАЗДНИК ДОЖДЯ

Елене

на празднике дождя вокруг дожди танцуют
на празднике дождя сияет фейерверк
на празднике дождя дождинки нас целуют
и мы целуем их поглядывая вверх

на празднике дождя дробятся в небе звёзды
и солнечные блики торопятся галдя
на празднике дождя лишь радостные слёзы
по лужам мы скользим на празднике дождя

на празднике дождя и вы легко вздохните
и здесь легка печаль по жизни вас ведя
весёлый кукловод серебряные нити
все рады видеть вас на празднике дождя

так проливайся дождь небесною водою
соединяя нас и эти небеса
на празднике дождя весёлою гурьбою
звучат моих друзей живые голоса

на празднике дождя вдруг отступает старость
и молодость стучит воздушным каблучком
на празднике дождя недолго быть осталось
подступит к горлу ком чуть горьковатый ком

и если нам с тобой предскажут миг разлуки
пусть обернётся тот который уходя
успеет увидеть протянутые руки
на празднике дождя на празднике дождя

МАРИУПОЛЬ

Марине-Ариэле Меламед

кипучий мир ещё мне по годам
моноязыкий он и сердцу ближе
вот полюбил полночный Амстердам
могу обняться с утренним Парижем
но я опять во сне и наяву
души своей ничем не растрavляю
на Итальянской улице живу
по Итальянской улице гуляю

уходят дни но плечи расправляй
мы будем жить раз дожили доньше
опять над Рейном плачет Лорелай
и вьётся тополиный пух в Берлине
ну что ж что я печальником слышу
я радость из печалей выплавляю
на Итальянской улице живу
по Итальянской улице гуляю

с тобою мы тоскуем о былом
в своих потерях виноваты сами
но жизнь ещё не отошла на слом
и место есть для нас под небесами
и слышать не хочу про то молву
что я себя забвеньем утоляю
на Итальянской улице живу
по Итальянской улице гуляю

НА ИСХОДЕ ДОЛГИХ ДНЕЙ

★ ★ ★

время всё по местам расставит
разведёт словно старый компас
неужели вдали растает
небывалой нежности космос

не пугаюсь дурного глаза
что там было — могло быть хуже
слово за слово или фраза
застревает как обод в луже

я догадываюсь что завтра
может речь навсегда прерваться
кровь кипит и разгул азарта
не позволит пока сдаваться

и пристраиваясь к становью
и надежды свои возлагая
я последней живу любовью
может правда она другая

* * *

капля медленно стекла
на слезу похожа что ли
капля чистого стекла
мир двоится поневоле

эта призма сквозь неё
мир обманчиво глядится
что запомнит то споёт
про свободу и темницы

вот посыпали тропу
разбросали щедро камень
подбираются к столпу
обхватить его руками

попросили у столпа
мол даруй удачу идол
и стоит толпа тупа
ничего в ответ не выдал

тише тише тишина
будто песенка успешна
и рассейтесь братцы на
дым отчества крошечный

отчего и в горле ком
слеплен из сырого теста
сыплет из небес снежком
влага времени и места

* * *

казалось мне скажу сперва
поскольку не было резона
лишь осторожные слова
их не хватало как озона

слова которые тверды
которые я сам запомнил
которые глоток воды
которых дождь шума наполнил

но не решился ведь смешна
любая робкая заминка
душа сомнением грешна
размытым полем фотоснимка

и не хватает ей стропил
возвыситься окном чердачным
её никто не укрепил
над веточкой над сором дачным

и я дописывал строфу
хоть полон сожалений тайных
как будто слышал окрик фу!
как будто был чужим случайным

и что не сказано сперва
что сказано быть может сухо
пускай коснётся хоть едва
когда уж не души то слуха

★ ★ ★

говорливый попугай
что трындит на рынке птичьим
хоть старушек всех пугай
этим ёмким неприличьем

я ответил бы ему
дескать что ж ты враль носатый
хочешь меры я приму
поднавалят депутаты

и за эту связку слов
так тебе хвоста намылят
но бормочет острослов
матерится гад навывлет

цедит он через губу
научили же мерзавца
дескать Думу я... ага!
и ещё поток эрзаца

непотребностей поток
камень пробы самой чистой
да накиньте же платок
пусть заткнётся чёрт речистый

ЛИВЕНЬ

*И парит над головою
Ангел или стриж...*
Алина Талыбова

я не знаю оттого ли
что брала тоска
ангел смерти ангел боли
в небеса таскал

то ли душу то ли тело
напрягая нить
или ты меня хотела
в жизни сохранить

ведь зачем-то обхватила
за сердце меня
не закатится светило
на исходе дня

станут круче и короче
приступы тоски
потому что сами ночи
станут коротки

звёзд ночных скрывая млечность
ливень скрыл подъём
это мы с тобою в вечность
медленно плывём

★ ★ ★

ступил ногою в реку
и оскользнулся — ил
не надо человеку
врать что тебе он мил

он слушает и верит
а как же — говорит
и пусть по крайней мере
он душу обагрит

не кровью — сгустком речи
о чём бишь эта речь
какой нечеловечьей
надеждою увлечь

надежда и стучится
так распахни же дверь
и что ещё случится
не верь не верь не верь

★ ★ ★

то он пулей свистит над моим виском
то с шипенья опять перейдёт на вой
осыпает то брызгами то песком
оставляя мусор на мостовой

ветер застит звёзды стоня туч
разрываемых молниями ряды
ветер нынче нагл а ещё могуч
и готов предвестником быть беды

и с того же унынием ночь полна
видишь пень под ногами его и пни
полумесяц острый или луна
или всё же ещё фонарей огни

фонарей разбросанных здесь и там
бегунов предутренних быстрый круг —
словно псы бегущие по пятам —
враг ли друг
или всё же — и враг и друг

* * *

надоело слушать речь его
будто он привычно пьян
будто бреда человеческого
он тоскою обуян

и словес густые залпы
он повсюду разбросал
не понятно что сказал бы
и чего не рассказал

и не знаю что положено
словно ключик под порог
только слышу что-то ложное
шаг за шагом кроком крок

каждый думает и меряет
примеряет свой аршин
и трясёт как воин перьями
на виду у всех вершин

пусть враги не отвечают
напрягает тишина
всё одно не различают
где ты осень где весна

и конечно плачь не плачь, но
нет за ним других удач
потому он рубит смачно
словно головы палач

★ ★ ★

ветер дунул робко дунул
а потом сильнее задул
ты подумай ты подумай
это вовсе не загул

можно быть привычно строгой
знать бы точно для чего
ты попробуй ты попробуй
каплю сердца моего

дня погожего салфетка
чтоб следы навек стереть
на ветру дрожала ветка
будто страшно умереть

только это мне и важно
на исходе долгих дней
потому что стало страшно
жить без нежности твоей

★ ★ ★

ещё не знаю слова
которое скажу
но повторяю снова
которым дорожу

в моём сознание вязком
как лестница в метро
бежит с холодным лязгом
а слово не мертво

молва молвы молвою
чужие словеса
над бедной головою
ремонтные леса

они скрывают окна
и тёплые огни
душа насквозь промокла
стоят сырые дни

мне этих слов не жалко
но ты была права
ни шатко и ни валко
рождаются слова

* * *

крыша едет или течёт
или слабеет око
видишь и знаешь наперечёт
грустно и одиноко

время расплавит своим огнём
раз подобрался близко
то что светило и ночью и днём
отблеском обелиска

думаю я ли уже не тот
думаешь мол не та я
время не заполняет пустот
память опять листая

я не хочу уходить-умирать
да и тебя мне жалко
можно осколки ещё собирать
было бы сердцу жарко

★ ★ ★

лишь подумаю робко —
проболтался язык
распечатана пробка
джинн оттуда возник
он понятно хотя бич
в ожиданье удач
неудачник Хоттабыч
весел слишком хоть плачь

он вообще переросток
он дремал как сурок
и теперь перекрёсток
всевозможных дорог
перед ним открывает
рок сивилла судьба
там дорожка кривая
от столба до столба
и ещё переходы
и дороги изгиб
пролегли через годы
если только смогли б

а когда не случилось
мне уйти от тоски
пусть бы солнце лучилось
на щербинках доски
на неструганной крышке
уходящего дня
на последней мыслишке
про бывшего меня

* * *

пишу записки по ночам
счастливо и отчаянно
канатоходец по лучам
не падаю случайно

где удержаться виден шанс
от горького паденья
держать баланс держать баланс
любви и наслажденья

а если я не удержу
себя на струйке струнной
тебя я всё ж не осужу
останься милой юной

какая ты в моих глазах
с одной счастливой ночи
я падаю воскликни ах!
а я ещё охочий

до радости земной утех
до наслаждений рая
каким я был спроси у тех
кто был со мной сгорая

а что тебе подобный спрос
что прошлое пред новью
я сердце вырвал и принёс
прими его с любовью

* * *

лапу соси а интересно гризли
тоже сосёт унылый во сне и хмурый
слышал ли кто что мишки злодея загрызли
как это может наш молодчага — бурый

всё континентам снится разница или
смех или плач имеют одну причину
то ли шумим то ль таимся в придонном иле
то ли напяливаем чужую личину

так и живём-не живём недостойные смерти
так и влачим эти дни оплетённые скверной
или себе же дающие слово поверьте
вяло доносим его до галдящей таверны

может быть мы приближаемся медленно близко
к самой живой сердцевине простого итога
сами себя исключая из честного списка
сами себя поднимая до Света и Бога

* * *

заела тля совсем заела тля
или заела божия коровка
уже дыханье спёрло что петля
уже слова к словам идут неловко

уже захвачен ими летний пляж
и на воде колышутся их трупы
и тётка дочку кличет «ну-ка, ляжь»
а где тут лечь оглядки наши тупы

к чему скажите этот мемуар
что было летом позабытым давним
забитый тлём приморский тротуар
которую отплёвываясь давим

но это город а когда страна
забита тлёю свор и разных шаек
так хочется послать их сразу на
но что посылом этим разрешаем?

на всё плевать всё перемелем, но
банкротство душ мы видим в каждом знаке
как тот банкрот в излюбленном кино
отчаянно танцующий сиртаки

★ ★ ★

и когда и куда бы ни ехал
всё казалось дорога одна
и вовсю куролесило эхо
если полночь была холодна

только пригород видом барачным
и мерцаньем приглашенных сот
оставался печально невзрачным
как обломок современных высот

и дрожали от стужи белёсы
истончённые тяжестью дней
исхудалые бабы-берёзы
среди редких в тумане огней

и казался уныло похожим
свет ползущий по жёлтой траве
тем случайно мелькавшим прохожим
согревавшим ладонь в рукаве

★ ★ ★

весёлый полдень берёт правление в бразды
весёлый полдень то ли пьёт а то ли поёт
а вы слышали про то как поют дрозды
а не слышали так что вас брать в оборот

с утра сегодня солнце весёлый гость
гуляет луч по весёлому ковылю
ковыль колышет и света живая гроздь
мне тоже светит за то что тебя люблю

какая молодость скачем как те козлы
смешно глядеть ужасно со стороны
а может эти взгляды совсем не злы
а может мы им не столь ужасно видны

и пусть просёлком ветер вздымает пыль
у нас забота одна свой день пережить
такая жуть такая весёлая быть
как будто в танце смерти и жизни кружить

* * *

дело было у моря
именно на берегу
как ты смеялась: умора
умру перестань не могу

смех был звонкий и громкий
не ведающий беды
бегали вы у кромки
у самой кромки воды

на икрах на бёдрах капли
искрятся и дрожат
так ли было не так ли
в памяти образ сжат

юное гибкое тело
повод для новых строф
что ж ты не долетела
музыка катастроф

что же мотор заглохший
память о ней не стёр
слышишь мол мой хороший
в сердце горит костёр

память листы листает
можешь унять — изволь
долго горит не тает
медленно тлеет боль

★ ★ ★

это грустно и непонятно
снова время кричит пестро
и толпятся слова невнятно
как набитый вагон метро

лишь одно словцо-неотложка
спит у сердца оно пока
не распахнуто нам окошко
уж ли участь его горька

и стеною непреодолимой
подступает тоска к нему
молчаливой печальной длинной
той которую не пойму

от которой не жду привета
от которой не жду обид
демон тьмы или ангел света
днём и ночью в трубу трубит

* * *

струится золотой песок за горстью горсть засчитан
навес дощатый невысок от солнышка защита

я мысли о тебе отверг и думать неохота
что впереди среда четверг и пятница суббота

вот пролетевшая пчела уносит воск весенний
решаю где б ты ни была наступит воскресенье

и я по улице пройду под быстрым майским ливнем
о господи в каком году был счастлив и наивен

когда размолвка впереди таила примиренье
а нынче жди или не жди прими что тает время

что весь его запас былой исчерпан иссякает
что скоро всё затянет мглой такая ли саяка

косая с медною клюкой с такою бледной рожей
и маюсь медленной тоской топчусь как гость в прихожей

* * *

в детстве мир огромен
если с высоты
связки мощных брёвен
озираешь ты

как играет лето
прячась за холмы
что совсем нелепо
среди полнотной тьмы

тихий ветер дунул
я мол рядом здесь
ты тогда не думал
совесть или честь

полночь излечила
или кто помог
жизнь не раз горчила
право видит Бог

★ ★ ★

где на краю посёлка чуть отступивший лог
взвихряется позёмка зимы последний слог
она идёт босая слепая как во сне
сама себя спасая движением к весне

и если где-то узко протискиваться ей
она летит по спуску стремительней саней
в санях он сам с усами и катится в овраг
скажи ему Сусанин и станешь вечный враг

уже я не упомяну какого же рожна
словами был наполнен а суть их не важна
уходит время года сменяется другим
твои права природа озвучит новый гимн

и станет ветер биться в оконное стекло
и станет дождик литься стекло слезой стекло
стекло блеснёт осколком блестит оно блестит
где на краю посёлка забытый дом стоит

* * *

съесть в Брюсселе креветки
назаказывать мидий
эти дамы клевретки
остаются в обиде

то ли не были-были
чем-то вечным похожи
то ли их полюбили
непотребные рожи

но от этих ужимок
не следя за сюжетом
как-то непостижимо
оказались уже там

где за панцирной кучей
скользкоты урожаем
дуновеньем летучим
пустоты угрожаем

ВОСТОК:

современные подражания и вариации

1

оправдания — бла-бла-бла —
приняла душа отчасти
ты со мною не легла
не дала пролиться страсти

это я скажу ужас-
тик про нонешние нравы
ты проснулась не ложась
не отыщется управы

на тебя но всё одно
то ли поздно то ли рано
стырю как Ясон руно
наслаждаться вволю стану

2

соловей клянётся розой так бесспорно у Саади
мы поём презренной прозой но её единой ради

дескать пусть она проснётся эту глупость прочитает
спозаранку улыбнётся и душой чуть-чуть отгад

сразу выглянет в окошко хмурый день светлее станет
пусть на каплю пусть немножко сочинитель ближе станет

так своё повествование мы затискиваем в рифмы
в них мечты и упования натываемся на риф мы

говорим целую руки мол не наглы и не грубы
и страдаем мы от муки — ибо губ желают губы

3

сплести слова сказать про чувства
слепить каких-то пару фраз
неповторимое искусство
всю нежность выплеснуть за раз

за садом тихо бредит речка
она торопится везде
где можно встретить человека
звездой притянутой к звезде

я сам бреду исполнен бреда
любви горячным путём
во мне ты видишь сердцеда
с душой которая потём-

ки и ещё неточность жеста
природы благодатный знак
я гений времени и места
глоток свободы Пастернак

присыпав зелени щепотку
и сдобрив специями проч.
я увлеку тебя красотку
в незабываемую ночь

где нежно бляенье овечки
где нескончаемая речь
безумный бред бурчливой речки
и наших — губ безумных — встреч

4

так случилось — не звонил но ещё исправлюсь
всё же счастлив как дебил сам себе я нравлюсь

это чудо из чудес и над головою
словно в пляс пустился бес взвилось ретивое

то ли я немного пьян то ль в счастливом раже
сумасшедший Караян палочкою машет

хоть на время хороша хоть на время лучше
просияй моя душа мой счастливый лучик

перелистывай листы партитуры этой
и прости меня за «ты» — стало больше свету

потакает мне Творец не сшивает губы
стихотворец, что скворец, говорливый глупый

ну вот ещё чуток огня
 ещё подобье пенья
 не провоцируй друг меня
 на новых строф кипенье
 а то засыплю морем строк
 сам — то герой то нытик
 и будешь мой же — жутко строг
 и неподкупен — критик
 поэт на то и графоман
 что может сочинить роман
 и строчки гнать от пуза
 но только чтобы Муза
 хотя б чуть-чуть к нему была
 как и во время оно
 тепла приветлива мила
 короче — благосклонна

недоспав встречает утро и в подглазиях кружки
 но опять поди ж ты прут-то развесёлые стишки

на дворе гуляет осень а в душе царит весна
 и такие свет и просишь что конечно не до сна

пусть ни злости нет ни гнева всё для красного словца
 согласитесь королева пожалейте подлеца

дайте каплю этой дани ведь надеется подлец
согласитесь на свиданье появиться наконец

всё равно пиит покуда не добьётся своего
будет ныть и ныть зануда так не мучайте его

не обременяйте совесть Ваши замыслы тая
и пиит напишет повесть всю — про радость бытия

он строчит чтоб не забыли что такой на свете есть
а потом расправит крылья и нагрянет словно весть

но придуриваться дальше — говорит он — не хочу
говорит без всякой фальши — приучу и приучу!

★ ★ ★

пахнет свежею хвоей
вновь нагрянет зима
нынче время лихое
ни тюрьма ни сума

что башку брат повесил
что за думу таишь
будешь глуп или весел —
в Амстердам и Париж

мир он тоже то жуток
то хорош без идей
не люблю проституток
обожаю блядей

ИПР

что хотите говорите
но они не говорят
в дни сражений при иприте
маки красные горят

заливая поле боя
смертной газовой тоской
это братство полевое
не уходит на покой

время мужества и драки
кто тебя ни износил
пламенеют кровью маки
над молчанием могил

БЕЗДНА

1

мы другие мы другие
и другие времена
летаргия летаргия
в утешенье нам дана

то ли дышим то ли пишем
то ли мы не знаем сна
то ли слушаем не слышим
что стучится в дверь весна

и однажды скрипнут двери
чтобы с радостью опять
в этот старый мир поверив
всей душой его объять

долго спать порой полезно
но уходит жизнь навек
и стоит над самой бездной
бодрствующий человек

2

что ни делай как ни бейся
оглушает тишина
в одиночестве и песня
одинокая слышна

на чужом веселье залпы
смех картечью по пескам
прежде что-нибудь сказал бы
слов бывало не искал

а теперь тоска-тощища
слом симметрий у Дали
и совсем напрасно тщишься
удаляешь? удали

сердце мукой в кровь стирает
подколотная змея
и пустыню простирает
одинокая земля

3

ритмических свобод Верхарна
пожалуй снова избегу
и снова проскочу верхами
утрюмо срифмовав угу

не девятнадцатый не замок
и даже не двадцатый век
сто лет спустя портреты самок
разглядываю из-под век

пуста музейная коробка
шедевров здесь не завели
экскурсовод лепечет робко
об этом краешке земли

едва за кольцевую едем
уже такая глухомань
как будто шастают медведи
в едва дымящуюся рань

уже всему конец и крышка
уже и вещей свет не мил
луны бледнеющей коврижка
меня пытается где ты был

4

и на первом этаже
не затем что голодранки
ходят чуть не в неглиже
длинноногие голландки

не финансовый агент
за доходами следящий
выдаю аплодисмент
этой жизни настоящей

мне и нравится она
что голландца не корячит
что здорова и полна
потому себя не прячет

много всяческих забот
но конечно довод веский
как распахнут небосвод
так раскрыты занавески

5

поднебесный свет погас
натянулись нервы
пролетающий Пегас
всюду будет первый

он полёт не совершил
мчится без оглядки
бег его поверх вершин
несдержимо-гладкий

и его окоротить
жажда бесполезна
рвётся время рвётся нить
и открылась бездна

★ ★ ★

верёвкою толстой обвяжем
на дальнюю полку положим
ищите ищите пропажу
кричите кричите проходим

от пота сыреет одежда
как будто нас криком пытали
а что там на полке? надежда
разобранная на детали

★ ★ ★

как не стыдно опять стихами
как не стыдно что облетели
словно листья слова стихали
песни те что давно пропели

натянулись струны тугие
те с которыми не знакомы
и сказать бы пора — другие
а не те что могли легко мы

и пока ещё жизнь не точка
а скорей сказать запятая
поберечь бы ещё листочка
список быстрых деньков листая

и опять наблюдаю жуть я
отчего и мороз по коже
как мы вышли на перепутья
как мы двинуться в путь не можем

★ ★ ★

венецианские мосты
без нас задумчиво пусты
тиха почти чутунна
пуста без нас лагуна

и пуст без нас небесный свод
над тихим всплеском тёмных вод
и только тем прельщает
что чудо обещает

ах ты надежды милый бес
тебе ли ждать их от небес
да и каких таких чудес
а вот жива трепещет —
и взлёт мелодии в зенит
как будто пенье аонид
как будто голос вещей

и значит снова жизнь течёт —
душа трепещет и поёт
распахнута безумна
вдохни и грудь освободи
веди мелодия веди
туда где спит лагуна

её разбудим мы с тобой
не посчитаемся судьбой
не зная постоянства
не сдать бы души на убой
солируй медленный гобой
пронизывай пространство

* * *

как мельница вращает жернова
как будто строя правильную фразу
и вырезая изо мглы слова —
так осмысленье происходит сразу

хвостом виляет разудалый пёс
и радостно любого привечает
какой-то ветер несчастного занёс
а он судьбы не ведаёт не чаёт

и греясь у фонарного столба
пытаясь вспомнить адрес незнакомки
он губит жизнь но строится судьба
и лёд летит в лицо сухой и ломкий

* * *

всю свою тоску удаляя
знаю на стечении дней
страсть и нежность всласть утоляя
делаем их только сильней

пусть же обнажённое тело
вдруг блеснёт подобно лучу
я хочу чтоб ты захотела
так же как тебя я хочу

у кого какие скрижали
не по всяким следует жить
мы тела друг к другу прижали
чтобы души ближе сложить

БАЛИ

из Денпасара идут бортовые огни
курсом на юг или север но в дальние дали
хочешь полмира спеша облети обогни
лишь бы ты ведал на взлёте куда и туда ли

плющится время скрипит как забытый винил
крошится бронза сгибается медь представлений
жизнь прожита и когда бы себя ни винил
не обнаружил бы свойства присвоенной лени

и бортовые рассеются в лунную лунь
тело охватит полночный прибой океана
хочешь плыви или хочешь насмешливо плюнь
то и другое уносит душевная рана

тело уносит плевков огорчающий пульс
выставлен балл неизменно заблудшая двойка
и ничего не скрывающий отмах и пусть
выскажет всё хоть помалкивай или же взвой-ка

здесь у восточного мира на самом краю
жизнь перекраивай всё открывая впервые
в этом цветущем изгаженном нами раю
из Денпасара стартуют в рассвет бортовые

★ ★ ★

солнышка весёлая свекла
обещает нам наутро ветер
капля осторожная стекла
след её прозрачен чист и светел

голову над книгою склоню
оторваться б от текущей ленты
новостей не тратить жизнь мою
на тупой толпы аплодисменты

ну не мне же... мне — так я не прочь
слаб на лесть и на хулу обидчив
о других аплодисментах речь
я бы их из нашей жизни вычел

всё перетекает как вода
и толпа заходится до ора
время растеклось одна беда
не увижу я конца позора

★ ★ ★

былой истории изгиб
сюжета поворот
забытый всеми он погиб
перебираясь вброд

ему неведомой реки
была тиха и вот
водоворот провал плевки
песка и тины в рот

и на поверхности рябой
не отыскать следа
что здесь река творит разбой
что здесь грозит беда

она торопится века
в долину среди гор
проклятья унесла река
уносит до сих пор

★ ★ ★

на заборе сидит тоска
смотрит жалобно виновато
отодравшаяся доска
тоже вздрагивает виновато

у тоски печальная песнь
заунывная и босая
то ли осени влажная весть
то ли ходит-глядит косая

а тоске не страшна она
а тоска её ждёт-поджидает
а над ними желта луна
ночь напрасным вином поджигает

я тоску изловчусь убью
только слышу: убьёшь себя же
что там плачется журавлю
что рыдает косяк лебяжий

вот и выхода нет — доске
на осеннем ветру качаться
вот и выхода нет — тоске
не кончаться ей не кончаться

★ ★ ★

ты с какого там числа
всё пасла меня пасла

трижды или дважды
но спасла однажды

и не выдумка не ложь
ты пасёшь меня пасёшь

слышишь окрик вражий
пастырь мой отважный

ответ пристальных очей
я-то думал мол ничей

как же это как же
видишь шаг мой каждый

без руля ветрил весла
бережешь меня осла

а моё влияние
дуракаваляние

★ ★ ★

проснёшься улыбнёшься и удивишься кто?
куда ни повернёшься а это конь в пальто
а это я явился потребовал проснись
куда б мой след ни вился ведёт он только в жизнь

бываю я невесел бываю я игрив
мол голову повесил а весел мой мотив
пускай меня и носит течение быстрых рек
а нежности он просит дурак но человек

★ ★ ★

словно голос с небес
доносится странный плач
то ли плачется бес
то ли плачет усталый палач
то ли это из бездн
доносятся голоса
или всё-таки бес
и тянет за волоса

только что отсечённую голову тянет палач
он вздымает её на веселье одним на плач
тем кто в братстве с казнённым с давних пор состоял
ветер муки и боли продул эшафот на котором стоял
то ли тать и злодей то ли праведник то ли пророк
эшафот окровавленный сжался и сник и продрог
вот и думай что хочешь об этих и тех временах
полководец на площади привстаёт на стременах
этот бред фантом суеверье орущих сонм
это сон это сон это сон это сон это разума сон

пусть из самых бездн доносятся голоса
то ли это бес то ли мрачная полоса
то ли ясный свет то ли мёртвая мрачная ночь
есть один совет если он ещё может помочь
есть восточный божок философия трёх обезьян
жив ли ты дружок или спишь или вечно пьян
потому что дано выбирай лишь одно из двух
то ль в башке темно то ли слеп ты и нем и глух

★ ★ ★

что-то мне видится в этом сиянии дня
лес принимает в слиянии грустном меня
корни деревьев узлами вокруг расплзлись
это понятная сердцу горячему близь

я же не вижу вокруг распростёртую даль
это ли боль или это глухая печаль
не преклонить мне отныне повинной главы
эти дубы предстают как живые волхвы

мне ли вседневно входящему в гулкий собор
на реликварий глядящему долго в упор
нынче теряться в таком непролазном лесу
лучше обиды свои я с собой унесу

★ ★ ★

взять хотя бы из списка
тех кто близок и дорог
кто во времени близко
если путь даже долог

список в общем короткий
и редет он быстро
от горящей разводки
что ни имя то выстрел

и становится жалко
отмирающей дружбы
вся-то жизнь содержанка
лучше спрятаться в глушь бы

ничего не добиться
не бывало и нет а
хорошо бы забыться
на окраине света

★ ★ ★

оттремят эти вспышки и залпы
задирающим головы вверх
я наверно устало сказал бы
как пронзителен был фейерверк

эти ленты огня и обрезки
и шипенье над самой толпой
и ожившие древние фрески
отлетьевшие на водопой

у реки отражающей немо
ночь и всполохи ярких огней
и кипящее звёздное небо
выше выше вольней и вольней

рёв самцов и стенания самок
вновь разбитый небесный хрусталь
и летящий за залпами замок
сквозь бойницы смотрящийся вдаль

языкатых ожогов разводы
и осколки летучего льда
ощущенье парящей свободы
проскользнувшая к Рейну звезда

★ ★ ★

за окном прошли снега
и пришли дожди
говорю я ни фиги
лучше подожди

сам с собой иду гулять
берег Рейна пуст
теребит речную гладь
ветер-златоуст

млечный свет на ней лежит
на речной воде
отражением дрожит
свет звезды звезде

и пока ты вдалеке
мною владеет грусть
за звездой на поводке
нехотя плетусь

★ ★ ★

над мелкой речкою мостки
скользя перехожу
откуда приступы тоски
я сам не нахожу

я так глядел тебе вослед
а слов не находил
и угасал осенний свет
и в поле уводил

а там то клевер то чабрец
то лютик полевой
и уходящий свет-венец
над самой головой

и золото того венца
до самых тех мостков
сияло призраком конца
и мной забытых слов

★ ★ ★

помню она вздымала весёлую чёлку
помню дразнила ныряя в кипучую пену
помню сердился отмахиваясь к чёрту
а сам подкрадывался проскальзывал постепенно

разве мы думали о какой-то там смерти
брызжа юностью в набегающую волну
если сможете время с памятью сверьте
объявляя былому завистливую войну

мы были гости мы были всего лишь гости
в этой беспечной пляске дождей и гроз
мы были горсти мы были всего лишь горсти
охапка шипов но только без ярких роз

когда бы я знал как сильно как смертно рискую
пренебрегая разрывом нежных аорт
я бы не стал идилию эту морскую
переиначивать глупо обидчив и горд

время теснит мою память и медленно бродит
мыслей усталых рассыпанная гурьба
вроде забыто вроде размыто и вроде
это судьба повторяется это судьба

я возникаю виденьем в полночной пучине
берег не оберег он не спасает уже
нас не учили беречь и беречься — учили
лёгкой небрежности и наказали уже

★ ★ ★

не сойти за летописца
не сойти ему с крыльца
слова не станут литься
не сдувается пыльца

сердце мутное поблёкло
дождь осенний льёт свинцом
так — давно не мыты — стёкла
перестали быть лицом

отмирающей избушки
оседающей сквозь хмарь
на тоскующей опушке
грустно дремлющей как встарь

не вертится по заказу
чуть поскрипывая но
не тревожили ни разу
курью ноженьку давно

мы судили мы рядили
но душа ли не горда
не случается идилий
дремлет до поры беда

★ ★ ★

беде не помочь слезами
иди и отыскивай брод свой
во всём виноваты мы сами
кто жизнь превращает в уродство

бывало судили-гадали
нельзя ль отступить по-хорошему
но только душа не горда ли
ступив на сухую горошину

и вот накопили усталости
похожей на все поражения
уже не пригодны по старости
на отповедь на возраженье

не красные мы и не белые
под этим напором Стихии
застыли как обледенелые
а проще сказать — никакие

* * *

надо же случиться видно так дано
не поймал жар-птицу хоть ловил давно

грустных мыслей стаю насылаешь ты
я перелистаю палые листы

время будет литься как уже лилось
дней ушедших листья лягут вкривь и вкось

хрупкие одежды стынувшей земли
маячок надежды светит мне вдали

* * *

говоря совсем простыми
и привычными вызывать
облака совсем простыми
став дождями проливать

серебрясь струной в полёте
за которым мы следим
что дождинки вы поёте
чей мотив непобедим

а над облаком пылая
пробиваются лучи
и проходит жизнь былая
лентой памяти в ночи

голоса не отвечают
на твою простую речь
или слов не отличают
не умея их сберечь

но куда не сломали
страсть которой обуян
облака идут слоями
и сгущается туман

и не надо бить на жалость
мол бессонная тоска
лишь бы это продолжалось
продолжается пока

ОБ АВТОРЕ

Даниил Чкония — поэт, прозаик, переводчик, литературный критик. Родился 19 февраля 1946 года в Порт-Артуре (ныне — Люйшунь). Школьные годы прошли в приазовском Мариуполе.

Учился на филфаке Тбилисского университета. В 1973 году окончил Литературный институт им. Горького (отделение художественного перевода, семинар Льва Озерова, Фазиля Искандера, Анаиды Беставашвили). Жил в Тбилиси (1973—1975), в Москве (1975—1995), с 1996 года живёт в Кёльне.

Член Союза писателей с 1976 года, ныне — член Союза писателей Москвы и Русского ПЕН-центра. В Германии много лет вёл рубрику «Литературный Рейн» журнала «Партнёр». Главный редактор журнала русской литературы «Зарубежные записки» (2005—2009). Ныне — заместитель главного редактора, ведущий раздела зарубежной русской поэзии журнала «Эмигрантская лира» (Льеж, Бельгия), главный редактор, выпускающий редактор литературного альманаха мировой русскоязычной диаспоры «Под небом единым» (Хельсинки, Финляндия).

Переводчик многих книг поэтов и прозаиков Грузии и Северного Кавказа.

В последние годы публиковался в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Новый мир», «Интерпоэзия», «Арион», «Новая

Юность», «Дети Ра», «Нева», «Шо», «Литературный Азербайджан», «Зарубежные записки», «Эмигрантская лира», в различных альманахах и сборниках, а также в сетевых российских «45-я параллель», «Подлинник», «Литература», «Семь Искусств» (Германия), «Гостиная» (США), «Оракул» (Армения) и др.

Отдельные стихи автора переводились на английский, армянский, польский, венгерский, болгарский языки; многие стихи переведены на грузинский язык.

Отмечен специальным призом Международного фестиваля русскоязычного зарубежья имени А. П. Чехова в Греции (Афины) — «За особый путь в творчестве и судьбе: Достоинство личности и культура» (2006). За издание журнала «Зарубежные записки» награждён специальным дипломом Жюри и Оргкомитета «Русской премии» «За вклад в развитие и сбережение традиций русской культуры за пределами Российской Федерации» (2010). Отмечен дипломом мэрии города Рима за многолетнее участие в организации, подготовке и проведении в качестве председателя жюри конкурса молодых поэтов русского зарубежья «Ветер странствий» (2012). Лауреат поэтического марафона «Сокровенные свирели 45-й параллели», (2014). Лауреат Премии В. Сирина (Набокова) «За непрерывный творческий поиск и приверженность русскому поэтическому слову» (Хельсинки, 2015).

Председатель жюри конкурса молодых поэтов русского зарубежья «Ветер странствий» (Рим, 2008—2012), председатель жюри международного фестиваля русской поэзии «Дорога к Храму» (Израиль, 2013), член жюри международного фестиваля поэзии «Эмигрантская лира» (Бельгия, 2009—2015). Участник поэтического фестиваля имени Лобачевского (Казань, 2013), международного русско-грузинского поэтического фестиваля «Во весь голос» (Тбилиси—Батуми, 2013).

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Чупринин. «И, если под-
линно поётся...» 5

ПОЛЁТЫ НАЧИНАЮТСЯ С УТРА

«он читает читает читает...» 13

«неловок стих и проще
в прозе...» 14

«я ж не музыкант

а дурачок...» 15

«плакучая ива над тихой
рекой...» 16

«пёс задравший лапу
у сарая...» 17

«ночь безмолвна и тиха...» .. 18

«я проснулся озарённый
мыслью...» 19

фотохудожник 20

«иллюминаторы что золото
медали...» 21

«ветер улицу вымел ветер

лужицы вытер...» 22

переезд 23

«загулял весенний
хладнокровный бес...» 24

«больного вымучила
мания...» 25

«становились ложными
слова...» 26

слепые тупики

1. торгаш 27

2. расправа 27

3. освобождённый 28

4. шестидесятые 29

5. возвращенье 30

«с чего воспоминанье
промелькнуло...» 32

«впустую время трачу...» 33

«гулянье осенней заразы...» 34

«был наглец и бодр и весел...» 35

«что поразительно — там
на краю земли...» 36

чапушка 37

«вот облаков небесных

рать...» 38

«мало ли случится вы	
не верьте...»	39
«упаду лицом в ладони...»	40
городской сквер	41
«заканчивалось лето...»	43
«свет и зелень хлорофилл...»	44
«они сидят растерянно	
в гнезде...»	45
«не догнать вечерней мысли	
снова утро наумудрит...»	46
«ну толкуешь ты про слово...»	47
«говоришь, но	
не переиначишь...»	48
«что-то мент тарыхтит	
по рации...»	49
«Гловец владеет телом...»	50
девятиностые	51
«чем фильма завершится	
мне известно...»	52
«может жизнь идти иначе...»	53
«по сколько примем крепких	
грамм на нос, но...»	54
«дни становились день	
за днём короче...»	55
«ветер бросил горсть	
песка...»	57
«носители неведомых	
фамилий...»	58

ЗОЛОТЫЕ ГРОЗДЬЯ ВИНОГРАДА	
«у любви всегда презумпция	
невиновности...»	61
«буду нежный и грубый...»	62
«воробыи сбиваются	
у луж...»	63
«в душе царит какой-то	
мезозой...»	64
«ветер к нам приносит	
острый запах...»	65
«солнечное утро моря зов...»	66
«ночь шелестит дождём	
обледеленным...»	67
«завод зовёт труба трубит...»	68
«дом на окраине лесного...»	69
«она идёт девчонка ух!...»	70
«уже разбросаны коробки...»	71
песком из рук	
1. «поминутно поминутно...»	72
2. «ночной пустующий	
вокзал...»	73
3. «и что я слышал в эхе	
длинном...»	73
4. «о чём-то токуют	
колёса...»	74
«на запад на запад...»	75
соблазнитель	76
фрося	78
баллада	80
курортное	82
бакенщик	84

«короткие удары пульса...» . .	86
«вся гонка вьётся словно спрут...»	87
«небо кажется пустым...» . . .	88
«а я себя сегодня мыслю грею...»	89
«по ступеням по красному крену...»	90
«опять подъём по спуску Элбакидзе...»	92
«итак итак вступаю из-за такта...»	94
«солнце придёт внезапно...»	95
гентский алтарь	96
осеннее	
1. «зыбь податливо легка и прощальное кру-кру...» .	97
2. «за окнами закон зимы...»	97
«это что ещё за чудо...»	99
«глаза уставишь в небо...» .	100
гонки по стене	101
эйлат	102
пруды	
1. «наступит осень и листья наземь...»	103
2. «я не праздную и не ликую...»	103
«парад пробуждает чувство державы...»	105
«мы рисуем различные схемы...»	106

«снова в ящике жуткие страсти...»	108
«не во всём мы с тобою согласны...»	109
«шатёр ночного шашито...»	110
«зачем нам грустные труды...»	111
«кого хотели того имели!...»	112
«ничего ничего не лишне...»	113
«куклы зайчики медведи...»	114
связка	116
«из Шарля де Голля помчаться в Орли...»	117
праздник дождя	118
мариуполь	120

НА ИСХОДЕ ДОЛГИХ ДНЕЙ

«время всё по местам расставит...»	123
«капля медленно стекла...»	124
«казалось мне скажу сперва...»	125
говорливый попугай	126
ливень	127
«ступил ногою в реку...» . . .	128
«то он пулей свистит над моим виском...»	129
«надоело слушать речь его...»	130

«ветер дунул робко дунул...»	131	3. «сплести слова сказать про чувства...»	148
«ещё не знаю слова...»	132	4. «так случилось — не звонил но ещё исправлюсь...» ...	149
«крыша едет или течёт...» ..	133	5. «ну вот ещё чуток огня...»	150
«лишь подумаю робко...» ..	134	6. «недоспав встречается утро...»	150
«пишу записки по ночам...»	136	«пахнет свежей хвоей...» ..	152
«лапу соси а интересно гризли...»	137	ипр	153
«заела тля совсем заела тля...»	138	бездна	
«и когда и куда бы ни ехал...»	139	1. «мы другие мы другие...»	154
«весёлый полдень берёт правление в бразды...»	140	2. «что ни делай как ни бейся...»	154
«дело было у моря...»	141	3. «ритмических свобод Верхарна...»	155
«это грустно и непонятно...»	142	4. «и на первом этаже...» ...	156
«струится золотой песок за горстью горсть засчитан...»	143	5. «поднебесный свет погас...»	157
«в детстве мир огромен...»	144	«верёвкой толстой обвяжем...»	158
«где на краю посёлка чуть отступивший лог...» ..	145	«как не стыдно опять стихами...»	159
«съесть в Брюсселе креветки...»	146	«венцианские мосты...» ..	160
восток: современные подражания и вариации		«как мельница вращает жернова...»	162
1. «оправдания — бла-бла- бла...»	147	«всю свою тоску удаляя...» .	163
2. «соловей клянётся розой...»	147	бали	164
		«солнышка весёлая свекла...»	165
		«былой истории изгиб...» ..	166

«на заборе сидит тоска...» ..	167	«над мелкой речкою	
«ты с какого там числа...» ..	168	мостки...»	175
«проснёшься улыбнёшься		«помню она вздымала	
и удивишься кто?...»	169	весёлую чёлку...»	176
«словно голос с небес...» ...	170	«не сойти за летописца...» .	177
«что-то мне видится в этом		«беде не помочь слезами...»	178
сиянии дня...»	171	«надо же случиться видно	
«взять хотя бы из списка...»	172	так дано...»	179
«оттремят эти вспышки		«говоря совсем	
и залпы...»	173	простыми...»	180
«за окном прошли		<i>Об авторе</i>	181
снега...»	174		

Литературно-художественное издание

Серия «Поэтическая библиотека»

Даниил Соломонович Чкония
СТИХИЯ И ПЛОВЕЦ

Редактор
Татьяна Тимакова

Художественный редактор
Валерий Калныньш

Подписано в печать 26.08.2015.
Формат 70х108^{1/32}. Бумага офсетная.
Гарнитура CharterC. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ № 761.

«Время»
117105, Москва, Варшавское шоссе, 3
<http://books.vremya.ru>
e-mail: letter@books.vremya.ru
Телефон: (495) 954 10 82

Отпечатано в соответствии
с предоставленным оригинал-макетом
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620990, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
<http://www.uralprint.ru>, e-mail: book@uralprint.ru

В новой книге Даниила Чкония наблюдается умышленное обнажение материала, его высвобождение, художественное «расплетание ткани», пожалуй, еще более трудоемкое и ответственное, чем ее замысловатое «плетение», и такое отступление от грациозной оформленности, от четкости прорисованной линии к ее, словами О. Мандельштама, ветреной «безудержности» позволяет утвердить о поэте: «Он опыт из лепета лепит. / И лепет из опыта пьет». И если «лепет» — это звукопись, сам язык, «орудие и посредник поэта», как называл его В. Набоков, то «опыт» — это проба нового звука, почти физическое его «смакование», попытка записи акустического, вещественной фиксации невидимого... Найти свою манеру говорения — это лишь часть задачи; найти и частично отказаться от нее — признак мастерства.

Для поэта-мастера, «Пловца», недостаточно обладать «Стихией», и в определенный момент он позволяет дарованию, языку, собственному искусству обладать собой... Речь о той степени поэтической свободы, благодаря которой поэт «блаженно» не ведает, куда и как его «уводит речь»: «еще не знаю слова / которое скажу». И при всей открытости — никаких общих мест, а периодическая «размытость» лишь подталкивает к усиленной фокусировке зрения и чуткому вслушиванию...

Марина Гарбер

ВРЕМЯ

BOOKS.VREMYA.RU